

The background of the cover is a detailed illustration of a city street at night. In the foreground, three young men are standing side-by-side, looking directly at the viewer. The man on the left is wearing a brown leather jacket over a blue and white striped t-shirt. The man in the middle is wearing glasses, a dark blue sweater over a white collared shirt, and has a serious expression. The man on the right is wearing a dark blue jacket over a grey t-shirt. The background shows blurred city buildings and colorful neon signs in shades of blue, red, and yellow, creating a bokeh effect.

Дружба, жвачка и конец света

Владимир Саторин

18+

Владимир Саторин

Дружба, жвачка и конец света

<https://litres.ru/72151249>

SelfPub; 2026

Аннотация

Небольшой городок в тайге, 1999 год. Трое друзей (Максим, Никита и Венерка) узнают, что скоро наступит конец света. Они начинают строить убежище в лесу. В это же время Максим и Никита влюбляются в красавицу Карину, которая недавно перевелась к ним в школу. Все это сдобрено северным колоритом и эстетикой 90-х. Друзья играют в Денди, ходят в салон игровых автоматов, меняются фишками и продают кедровые шишки, чтобы скопить денег на новые видеокассеты.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Саторин

Дружба, жвачка и конец света

Глава 1

В детстве я любил лето. Жара, обгоревшая шея в сметане, целый день на озере или на котловане у бабушки, велосипед, куча игр с мячиком и без него, а самое главное – друзья, которых я не вижу весь остальной год. Летом мы уезжали с севера на «большую землю». И каждый раз я радовался, как первоклашка. Но в прошлом году, когда я перешел в восьмой класс, мне вдруг полюбилась осень. Было в ней что-то такое, что трогало те струны души, которые не сразу и увидишь. Осень раскрывала во мне глубину, подымала со дна нечто большое и важное. Она показывала, что есть кое-что еще, кроме радости и веселья.

Благодаря ей я полюбил морозящий неделями дождь, под который так сладко думалось о печальном. Полюбил холодный ветер и запах опавших листьев. Полюбил те дни, когда тучи опускались к земле и крохотные капельки зависали в воздухе – не туман и не дождь – и оседали на лице, ресницах, бровях. Осенью я впервые по-настоящему, по-взросло-

му влюбился! И это было так круто и одновременно больно. Так бывает, когда хочешь перепрыгнуть через канаву на велике, но врезаешься и перелетаешь через руль, а друзья смотрят на тебя с восхищением, ведь твои ноги только что выделяли такие финты в воздухе – обзавидуешься! А потом, где-то через неделю, давишь на ноющий после падения синяк, и он болит еще сильнее, но при этом глубоко внутри (наверное, там, куда каждый год заглядывает осень) разливается тепло и удовлетворение. Вот как я влюбился!

Но давайте обо всем по порядку.

Осенью было приятно не только грустить и прощаться с солнечным летом. Природа, конечно, засыпала, но юные и совсем еще зеленые школьники только выходили из летней спячки. Ну как спячки, спали-то у нас лишь мозги, а все остальное работало, как паровой каток. Теперь же тело, руки, ноги и голова продолжали двигаться по инерции, зато мозги пробуждались и готовились расти и крепнуть, как мышцы штангиста.

На пасмурном школьном дворе с вытоптанной до голой земли травой собралось уже не меньше сотни человек, включая учителей и родителей. Я остановился в сторонке, огляделся и заметил девчонок из моего класса, которые трещали, как свиристели на ветке рябины. Увидев меня, они помахали и принялись с двойным усердием что-то обсуждать. Наверное, меня, ведь за лето я сильно вытянулся и стал похож на сутулый фонарный столб, с вечно опущенным к зем-

ле лицом.

В самом начале Дня Знаний, когда торжественная линейка еще не началась, мне каждый год было неуютно в этом безостановочном движении и разговорах, прерываемых взрывами смеха. Но при этом меня рапирала радость – вот-вот придут Венерка и Макс, начнут наперебой рассказывать о летних приключениях, завалят вопросами. А пока я отошел к теплотрассе, которая буквой «П» отделяла школьный двор от детского сада, жилых домов и магазинов с трех разных сторон, выбрал местечко почище и сел на потемневшие и еще сырые после утреннего дождя доски.

На металлических брусках с облупившейся зеленой краской, торчащих посреди двора словно скелеты ископаемых, уже сидели десятиклассники. Выпускники деловито прохаживались и сдержано обменивались впечатлениями после долгой разлуки. Испуганные первоклашки жались к матерям и прятали лица за букетами розовых, белых, желтых и красных георгинов, а все остальные разбились на группки по пятьдесят человек и без остановки болтали. Из окон двухэтажной деревянной школы к большим колонкам и столу с микшером и микрофоном, которые принесли из клуба, тянулись тонкие провода. Аппаратуру сосредоточенно настраивал дядя Миша Бакин – он работал в клубе и на каждом празднике отвечал за звук.

И среди всего этого многообразия лиц и образов возникло нечто особенное. Она стояла у теплотрассы, слева от ме-

ня, опутив лицо и несмело оглядывая разношерстную толпу любопытным, живым взглядом карих глаз. Тёмные выющиеся волосы струились до середины спины и, казалось, ни на секунду не прекращали движения – подпрыгивали, перекачивались, качались из стороны в сторону. Высокая и красивая женщина – ее мама – положила руку с длинными тонкими пальцами на плечо. Я пытался сосредоточиться на лице ее дочери, но не смог. Моя фантазия уже рисовала прекрасные картины, как она садится со мной за одну парту, как говорит, что никого не знает в нашем поселке и ей нужны друзья, как я провожаю ее домой, мы долго болтаем у подъезда, а потом...

– О-о-о, как ты прекрасна, Карина! – пропел над ухом издевательский голосок Венерки. – Я хочу поцеловать тебя в твои рубиновые губки, хочу обнять тебя и сделать своей женой!

Не оборачиваясь, я двинул наугад локтем и попал другу прямоиком по печени. Он охнул, отпрыгнул и захохотал.

Венерка был круглым, низким и улыбчивым, но совсем не был толстым, каким его почему-то считали. А еще он был белобрысым и большеротым, а приплюснутый нос и розовые щеки придавали ему комичности. Больше всего на свете он любил хорошие фильмы с трюками и погонями, и стряпню своей мамы. Она у него была татаркой, а отец – русский. Отсюда такое экзотическое имя – Венер Авдеев.

– Получил? – я угрожающе показал одному из своих луч-

ших друзей кулак, и тот опасливо попятился, но сам при этом улыбался. – С чего ты вообще взял, что ее Карина зовут?

Я смягчился, и Венерка подсел ко мне и достал из рюкзака огурец, который зачем-то притащил с собой в школу. Он тут же вгрызся в него, чавкая и брызгая соком.

– Она в июне приехала, – невнятно затараторил Венерка, болтая короткими ногами и стучая пятками по доскам теплотрассы. Огурец в его руке быстро уменьшался. – В кирпичной двухэтажке на Спортивной квартиру купили. Там еще эти жили, как их, Головановы... Горлановы! Мне аппендицит вырезали, – он вытащил из брюк рубашку и задрал ее, но шрам так и не показался на округлом животе, пришлось спрыгнуть на землю и оттянуть штаны, – вот я и проторчал до июля дома, – продолжил он, когда я отдал должное его боевой отметине. – Зато все новости собрал! Меня мама на площадку отдала, мы раз в неделю купаться ездили!

Венерка бросил огрызок огурца через плечо, поймал на себе неодобрительный взгляд завуча (если честно, я еще ни разу не видел, чтобы ее взгляд был другим, так что, может, она и не заметила вандализма Вени), вытер ладошки о брюки с выглаженными стрелками, и весомо добавил:

– Она в десятый пойдет, Карина твоя. Так что... – он притворно тяжело вздохнул.

– Никакая она не моя, – пришлось снова пустить в ход кулаки, и в этот раз досталось венеркиному плечу. – Просто

лицо показалось знакомым, вот и засмотрелся.

— Ну да, я так и подумал, — Венька ехидно ухмыльнулся и приготовился защищаться, но секунду спустя он странно подпрыгнул и вытянул голову по-сурикатски. — Вон Макс идет!

Максим был ниже меня на голову, но выше Венерки на полголовы. При этом он всегда смотрел на нас как бы сверху, но не высокомерно, а скорее по-отечески или как старший брат. Мы с ним дружим с пяти лет, и он всегда был таким — серьезный, рассудительный, внимательный к мелочам. Мы мечтали учиться в одном классе, но он угодил к «вэшкам», а я — к «бэшкам». Венерка и вовсе был на год младше нас, но мы этого не замечали и никогда не обсуждали.

— Сейчас шмякнется, — Веник не отводил взгляда от друга, а тот, словно зачарованный, уставился на Карину. — Вот-вот, смотри... Макс!

Венерка заорал, через весь двор. Максим на секунду застыл, вспыхнул, поправил вечно сползающие прямоугольные очки на переносице, кивнул, отчего густая темно-русая челка упала на глаза, и уперев взгляд в истоптанную практически до земли траву зашагал к нам.

— Эх, черт, — Венька разочарованно хлопнул себя по колену, откуда-то выудил еще один огурец и принялся им хрустеть. — А я думал, запнется.

Последнюю фразу Венерка сказал так, чтобы Макс ее слышал. Но тот его проигнорировал. Мы с Веником удивились

и какое-то время паялились друг на друга, выпучив глаза.

— Да перестаньте вы ребячиться, — Макс бросил короткий взгляд на Карину, которая только что смотрела на него, но уже отвернулась. Мне показалось, что она глядит на меня, но она могла смотреть и Максу вслед. — Уши от вас вянут.

— Бу-бу-бу, — принялся издеваться Веник, — кто-то сегодня не в настроении.

— Хочешь, я ему влеплю? — серьезно предложил я. Но Максим только улыбнулся и бросил еще один взгляд через плечо. Лицо его уже приобретало привычный бледный оттенок.

— Пусть живет, букашка, — внезапно Макс подскочил к Венерке, радостно хохотнул, вдохновленный не иначе как одобрительным взглядом Карины, обхватил его голову и принялся втирать костяшками волосы в череп.

Венька заверещал, начал отбиваться, но я завел ему руки за спину и отвесил парочку легких пинков. Он с хохотом вырвался и кинулся на нас по очереди, встав в боевую стойку. Мы немного поколотили воздух между нами, а потом плюхнулись на нагретые недавно появившимся солнцем доски теплотрассы и стали обсуждать лето. Венерка еще раз показал свой шрам после удаления аппендицита и слопал уже третий огурец, а мы с Максом не переставали поглядывать на Карину. Она больше ни разу не повернула голову в нашу сторону, и лишь застенчиво улыбалась, наблюдая за беготнёй и сутолокой школьного двора.

Линейка была долгой, нудной и суматошной. Учителя начальных классов расставляли своих растерянных и немного испуганных желторотиков в две шеренги. Классные руководители криками подзывали ребят постарше, махая руками в разные концы школьного двора, где отсиживались ученики. Потом музыка стихла, перед построенными буквой «П» школьниками вышла директриса и зачитала приветственную речь. Солнце то появлялось из-за туч, то снова скрывалось и налетал холодный ветер. Позади наших спин выстроились родители. Дядя Миша Бакин даже снимал происходящее на камеру.

Когда мы устали переминаясь с ноги на ногу, всех пригласили в классы. Учительские столы были завалены цветами, заботливо выращенными некоторыми мамами учеников в палисадниках перед домом. Крашенные в несколько слоев, тяжелые парты были вычищены от прошлогодних наскальных рисунков. А со стен, устроившись под самым потолком по периметру помещения, с интересом взирали ученые мужи прошлого. Их черно-белые портреты были в каждом классе. «Бэшки» занимали кабинет алгебры, поэтому на нас смотрели Архимед, Лагранж, Лейбниц и другие.

Лариса Сергеевна – невысокая, темноволосая женщина, преподававшая у нас алгебру и геометрию, и бывшая нашим классным руководителем – светясь улыбкой торопливо вошла, кивнула, чтобы садились, и сама уселась за стол. На ко-

ричной доске кто-то заботливо написал мелом: «День знаний!». Лариса Сергеевна надела очки, придирчиво взгляделась в надпись, а потом заговорила.

– Садитесь-садитесь, – она бросила взгляд на последнюю парту, рядом с которой пихали друг друга Ромка Завьялов и Димон Бахин, рискуя разбить застекленные дверцы шкафов, выстроившихся вдоль стены. Те неохотно прекратили стычку и опустились на свои места. – Как вы все подросли! Андреев, Саша... – мы так и не узнали, что Лариса Сергеевна хотела сказать Сашке Андрееву, потому что прозвенел звонок и она, поморгав, заговорила уже серьезнее.

Девчонкам передалось торжественное настроение Ларисы Сергеевны, а вот ребята слушали вполуха. По крайней мере до тех пор, пока она не заговорила о Миллениуме.

– Этот год, как вы знаете, последний в тысячелетии, – Лариса Сергеевна сделала паузу, чтобы мы могли прочувствовать значимость момента. – Мы переходим в новую фазу жизни, становимся свидетелями по-настоящему эпохального события! В связи с этим Министерство образования Югры и окружное правительство выделили грант на лучший проект о Миллениуме среди школьников с восьмого по одиннадцатый классы. Победители получают денежное вознаграждение и памятные призы. Также их покажут по местным каналам.

Девочки радостно вскрикнули, заулыбались и принялись что-то обсуждать вполголоса. Сашка Андреев, с которым я

сидел, ткнул меня локтем и протянул: «Кру-у-уто!». Я закивал, но мысли уже унесли меня из класса, школы и поселка в далекий Ханты-Мансийск. Я стоял на сцене в ослепительном свете, с неба сыпалось разноцветное конфетти, десятки рук аплодировали мне, но я их не замечал, я видел только счастливое лицо Карины, с обожанием пожирающей меня глазами.

– Никита. Никита! – Лариса Сергеевна звала меня из далекой дали, в которую мне не хотелось возвращаться. Но когда она рявкнула: «Калинин!», я вздрогнул и понял, что пляжусь на старый поломанный стул у доски, на котором стояла банка с сухой, закуржавевшей тряпкой. – Проснулся, наконец. Ты сегодня дежурный?

Я немного ошалело кивнул.

– Намочи тряпку, – она указала на банку, которая еще минуту назад была Кариной.

Я снова кивнул, неловко выбрался из-за парты, взял банку и вышел. По привычке я повернул налево, в сторону столовой, но потом вспомнил, что мы еще не обедали, а значит, халявного чая для тряпки не будет. Пришлось развернуться и идти в туалет.

У противоположной стены, почти высунув голову в форточку покрашенного синей краской окна, курил Паша Самойлов. Он рывком обернулся, увидел меня и поспешил спрятать испуганный взгляд. Я секунду постоял на пороге, потом подошел к раковинам и, стараясь не смотреть на по-

терявшего ко мне интерес Самойлова, набрал воды. Меньше всего мне сегодня хотелось встречаться с этим типом. Весь прошлый год он со своими дружками-отморозками доставал нашу троицу. Венерке доставалось сильнее всех, но его спасал неуёмный оптимизм, сочащийся из каждой его поры.

Уроки закончились быстро. Коридоры затрещали от гомона, криков и топота, отовсюду полетел смех, но нам троим было не до него.

– Куда пойдём? – Макс деловито забросил на плечо новенькую сумку с учебниками.

– Погнали в спорткомплекс! – подпрыгнул Венерка. – Его на все лето закрывали, сегодня первый день работает!

Все свое свободное от учебы время мы проводили в спорткомплексе. Спортом там и не пахло. Это было длинное одноэтажное здание со столом для пинг-понга, тремя игровыми автоматами и помещением для лыж. Лыжи и ракетки нас не интересовали. Мы занимали автоматы и не слезали с них часами. Мой любимый – «Морской бой». Венерка всегда первым делом играл в «Конька-горбунка». А Макс рубился в «Сафари».

Мы торопливо пошли в спорткомплекс, обсуждая, что произошло этим летом. Венька всю дорогу подпрыгивал от нетерпения и оглядывался, а когда мы уже подходили, я начал рассказывать о столовой на железнодорожном вокзале в

Свердловске. Там стояло целых пять автоматов, и четыре из них я ни разу в жизни не видел, даже по телевизору. Правда, все они не работали, но, пока родители ели борщ со сметаной, я не отходил от этих громоздких аппаратов.

Антон Балакина, которого друзья звали просто Бала или Балыч, мы увидели издалека. Долговязый, стриженный под машинку, с большим носом и уставшими глазами он ковылял через дорогу от дома к спорткомплексу. Его правая нога почти не гнулась, и на правой же руке не было двух пальцев – мизинца и безымянного. Правда, от второго сохранился кусочек, но мы старались его не замечать. Кто-то мне рассказывал, что Антон побывал на войне, только вот на какой, я не знал. Да нам было и все равно. Антон пускал нас поиграть в любое время и давал жетоны просто так, когда у нас не было денег (то есть, практически всегда).

– Здравсьте, – пропищал Венерка, пока Антон открывал замок.

– Привет! – хором поздоровались мы с Максом.

Антон только молча кивнул, занятый дверью. Руки у него потряхивало и с первого раза попасть в замочную скважину не получилось.

Когда он все же справился, мы вошли в сумрачное помещение, где пахло пылью и хлоркой. По центру стоял стол для пинг-понга, у правой стены – игровые автоматы в ряд, а напротив от входа – два протертых и продавленных кресла и

шаткий журнальный столик между ними.

Лампы заморгали, включаясь, Антон наклонился, чтобы воткнуть шнуры автоматов в розетки, а потом обернулся и удивленно поднял брови.

– Это с вами?

Мы оглянулись. У двери стояла русоволосая девчонка с короткой стрижкой, маленьким ртом и большими круглыми глазами. В первое мгновение она растерялась, но потом насупила брови и выразительно посмотрела на Венерку.

– А-а, да, – протянул тот. – Это Юлька.

Мы с Максом принялись сверлить его взглядом. Наш немой вопрос понял бы и слепой, поэтому Веник поторопился объясниться.

– А что? Она в моем классе. Классная девчонка, пусть с нами зависнет!

Переглянувшись, мы с Максом молча отошли к своим автоматам, а Венерка пожал плечами и пошел к «Коньку». Предоставленная самой себе, Юлька немного постояла у входа, а потом медленно прошла за нашими спинами.

– Иди сюда, – Антон вышел из подсобки с настольным хоккеем подмышкой. Он кивнул Юле на кресло и сам сел во второе. – Эти балбесы не скоро наиграются.

Юлька несмело устроилась напротив Антона, тот поставил хоккей и несколько раз дернул рычажки, заставив фигурки двигаться по арене.

– Умеешь?

Юлька кивнула. Они принялись молча играть.

– Слыхали про конкурс? – Венерка закусил губу от азарта и не отрывал взгляда от экрана.

– Ну.

– Ага.

– Вот бы нам победить!

– Сначала проект надо придумать, – резонно заметил я.

– И сделать, – добавил Макс.

– Да хоть щас, – Венерка пыхтел, нажимая на кнопки, – вот только закончу... А, черт! Продул. Пойдешь?

Он посмотрел на Юлю, та вопросительно глянула на Антона, и он мотнул головой в сторону Венеркиного «Горбунка». Веник занял ее место, выудил откуда-то огурец и уже не с такой охотой, как раньше, начал его поедать.

Играть у Юльки получалось на удивление хорошо. Макс посмотрел на экран ее автомата, вытянул лицо и повернулся ко мне.

– Как шпарит! – вполголоса произнес он.

– Веник, видал, как надо?

Венерка, уже увлекшийся настольным хоккеем, замер, увидев, как Юля бьет его весенний рекорд.

– Эй, ты что творишь?!

– А что за конкурс там у вас будет? – Антон закурил, поднялся и открыл окно у входной двери. Сам остался рядом, сидеть на подоконнике.

– Да в честь окончания ты-ся-челетия, – не отрывая взгля-

да от Юльки, проговорил Венерка. – И приз денежный будет!

Он, наконец, отвлекся, и горящими глазами уставился на Антона, спросившего:

– Участвуете?

– Пока не решили, – ответил я.

– А правда, давайте! – Венерка окончательно забыл о Юле.

– И что мы будем делать? – Макс оперся на свой автомат. – Мы же ничего не умеем. Не думаю, что за просмотр «Назад в будущее» или «Охотников за привидениями» нам дадут приз.

– Я этим летом всего два раза Марти Макфлая смотрел, – огорчился Веник.

– Давайте сделаем фильм.

Мы все уставились на Юлю, которая, казалось, все это время внимательно нас слушала.

– Сделаем? – я скептически изогнул брови.

– Фильм? – сразу за мной произнес Макс.

– Круто, а какой? – не успел уловить наше настроение Венерка.

– Ну, если это конец века, то пусть будут сто самых лучших фильмов столетия, – Юля явно успела хорошо об этом подумать. Ответила она почти сразу и без запинки.

Повисла тишина. Только автоматы пиликали и гудели, да Антон неторопливо выдыхал сигаретный дым, позабыв, кажется, о нас. Наконец, он со стеклянным звоном закрыл форточку и пошел к себе в каморку.

– Приберите потом за собой, – бросил он нам, исчезая в темном коридоре.

– А почему ты решила, что мы возьмем тебя в команду? – голос Антона вернул меня в реальность. На минуту я снова перенесся на ту сцену с рукоплескающей публикой и Кариной. Только теперь позади меня висел плакат с киноленткой и надписью: «Лучшие сто фильмов века». Идея Юли мне понравилась.

– Потому что это я предложила тему проекта, – запальчиво огрызнулась Юлька. – И только у меня есть как минимум десять кассет с фильмами, которые для него подойдут.

– Десять кассет?! – меня понесло.

– Это ты зря... – тяжело вздохнул Макс и покачал головой.

– Десять? Да ты хоть знаешь, сколько я уже собрал киношек?! Считай, – я принялся разгибать пальцы и называть по порядку все свои фильмы, пока не дошел до трех десятков. – Поняла?

Юля ничего не ответила. Она покраснела и смотрела теперь исподлобья. Видимо, не ожидала, что я так на нее накинусь.

Я смутился. Она ведь все-таки девчонка, чего я так завелся. За всю свою жизнь я столько с девчонками не разговаривал, если не считать одноклассниц, но с ними-то мне *приходилось* общаться.

– Ладно, послушай, – примирительно заговорил Макс, – идея классная. Может, – он в сомнении посмотрел на меня

и на Венерку, – правда, сделаем фильм о лучших фильмах?
– С Юлей? – спросил Веник. Почему-то для него это было важно. Юлька при этом еще сильнее залилась краской.
– Давайте, – одобрил я. Венерка при этом заулыбался и подмигнул Юле, будто только что исполнил обещанное.
– Ура, – вскрикнул он, – мы сделаем фильм!
– Давайте потише, – донеслось из коридора, где исчез Антон, – а то выгоню.

Глава 2

Максим куда-то исчез сразу после уроков, а мы с Венеркой поиграли немного в «теннис» в рекреации (учебники вместо ракеток и смятый листок бумаги вместо мяча) и пошли домой. Мы оба жили на Таёжной улице, и снова, как и в прошлом учебном году, беззаботно шлёпали по сырой после утреннего дождя бетонке, болтая о всякой ерунде.

– Пошли ко мне, – Веник старательно пинал комок травы, оторвавшийся от колеса грузовика, выехавшего из леса перед нами. – В Дендик зарежемся.

– Нам по алгебре и литре задали.

– Ну и что.

Я отобрал у него истрепанный комок травы и сделал вид, что забиваю гол в ворота. Венерка подскочил сбоку, ловко забрал зеленый «мячик» и вернулся на середину бетонной дороги.

– Слушай, а зачем ты вчера ту девчонку притащил?

– Юльку?

– Ага, Юльку.

– Да просто, – Венька сделал «пу-пу-пу» и тяжело выдохнул.

Я резко остановился, схватил его за руку, заставил посмотреть на меня.

– Колись, давай!

– Ну... ну пообещал я ей, – пробормотал Венерик. – Она с подружкой видела, как мы с тобой на линейке разговариваем, и попросила познакомить.

– Да-а?

Я задумался. Никогда еще девчонка не хотела сама со мной познакомиться, если не считать двоюродную сестру Олеську, которая что в ширину, что в высоту была одинакового размера. Юля, конечно, была не Олеся, она была очень даже симпатичная, но всегда казалась мне слишком боевой. Пару раз я видел, как она на переменах спорит с одноклассниками, и с тех пор немного ее побаивался. Не хотелось бы мне, чтобы она накричала на меня посреди коридора перед всей школой.

– Не обиделся? – Венерка тыкал коском ботинка травяной ком и поглядывал на меня.

Я помотал головой и пошел вперед. Веник за мной.

– Будешь? – он снова достал огурец.

– Да где ты их берешь?! У тебя ведь даже карманов на штанах нет, Копперфильд доморощенный!

– Секрет фирмы, – невесело ответил Венерка и без энтузиазма откусил от огурца кусок.

Жили Авдеевы в старом бараке. Земля под ним медленно уходила в болото, на котором стоял отсыпанный песком поселок, и окна дома находились вровень с дорогой. Когда мы только познакомились с Венеркой, меня поразило, что у них

во дворе двойной туалет – два обычных сортира под одной крышей. Как потом выяснилось, это было удобно – можно болтать, пока делаешь свои дела.

Мама Венерки – низенькая, улыбочивая и суетливая женщина – баловала его, а отец... отец был как отец. Как все наши отцы. Когда мы вошли, его не было, а мама сидела на диване в зале и старательно обводила любимые фильмы и сериалы в программе телепередач.

– О, газетка пришла! – воскликнул Венерка, увидев матушку.

– Здравствуй, Никита! Веник, покорми гостя, я сейчас приду.

– Только мультики мои не обводи, я сам хочу, – крикнул Венерка уже из кухни.

На обеденном столе стояло блюдо с огурцами, и я начал кое-что подозревать.

Мы уже пили чай с промасленными беляшами, когда вошла тетя Адиля.

– Угощайся огурчиками, – она погладила меня по затылку, и я взял один.

– У вас хороший урожай.

– Намучилась я уже с ними, – тетя Адиля ни секунды не стояла без дела. Она принялась убирать со стола и смахивать крошки. – Позавчера последние огурцы сняли. Банок уже нету, чтобы закатывать. Соседям что-то раздали, а все равно остались.

– Спасибо, – Венерка спрыгнул с табуретки и поманил меня в зал.

В тумбочке под телевизором лежала коробка с задорным слонёнком. Он осторожно вынул ее, достал приставку и воткнул провода в телевизор.

– Во что сыграем?

– Давай в каратистов.

Это был примитивный файтинг, где два человечка мутузили друг друга ногами и руками с писклявыми криками.

– Куда Макс сегодня пропал, не знаешь? – я давил на все кнопки джойстика, надеясь, что мой каратист навалит Венеркиному.

– Неа. Сказал, что придет.

И действительно, минут через двадцать постучали в дверь, тетя Адиля открыла и впустила Макса.

– Проходи-проходи, Максим, они в зале. Играют.

Бросив сумку на пол рядом с диваном, он подсел к нам и уставился в телик. Вид у него был немного ошарашенный и радостный.

– Ты чего? – Венерка покосился на друга, будто от того несло приторным запахом оптимизма.

– Ничего, – Макс попытался спрятать улыбку. – А вы чего тут?

– Играем, – Веник показал на экран. Говорил он медленно, будто с душевнобольным. – Будешь?

– Не хочу. Вы уже думали, как нам фильм сделать?

– Ну-у... – протянули мы дружно.

– Это же Юлин проект... – неуверенно добавил я.

– Смотрите, что я предлагаю. Можно взять видеокамеру, поставить кассету в видик и снять лучшие моменты лучших фильмов. Потом уже эту пленку поставить в видик и снова снять, только еще закадровый голос добавить и музыку. Я с радио могу записать что-нибудь подходящее. Как вам?

– А ты времени зря не терял, – Венерка жал кнопку перезапуска, чтобы включить «танчики».

– Я вчера вечером немного прикинул, – заговорил я, пока друг искал нужную версию игры, – у нас ведь нет столько кассет. Даже если соберем все наши кассеты вместе, сотни не будет. А мы хотели выбрать только лучшие.

– Возьмем у кого-нибудь, – ответил Максим.

– Или купим, – пробурчал занятый делом Венерка.

– Ага, купим. Ты видел, сколько они стоят?

– Значит, возьмем у кого-нибудь.

– Гениальная идея, – похвалил его Макс. – Надо Юлю подключить, так быстрее получится.

Мы с Веником переглянулись.

– Вы чего? – насторожился Максим. – Что такое?

– Да, нет, мы просто.

– Я ей скажу завтра, – пообещал Венерка.

– Держите, мальчики, – вошла его мама с трехлитровой банкой ядовито-оранжевого сока, помешивая его длинной ложкой. На дне еще плавали остатки не растворившегося по-

рошка «Юппи», а может, «Инвайт» (просто добавь воды – до сих пор эта фраза преследует). – Сейчас стаканы принесу.

– У тебя не мама, а золото, – серьезно произнес Макс. – До сих пор теряюсь, когда она нас так встречает.

Венерка порозовел, но виду не подал. Он-то знал, что мама просто не может иначе. Как-то раз, ему тогда года четыре было, она не предложила чаю подвыпившим друзьям отца, которых тот притащил в гости после работы на пилораме, и получила такую оплеуху, что даже на следующий день щека пылала и походила на полусферу. Такое случалось редко, но каждую из этих оплеух Веник запомнил на всю жизнь.

– Давайте что-нибудь посмотрим? – молчание затянулось, и Максим первым его нарушил.

– Точно, – оживился Венерка. – Мне дядька на прошлой неделе привез, сейчас покажу.

Веник кинулся к серванту, порылся там недолго и притащил кассету «Люди в черном».

– Это вообще бомба! Там пришельцы такие на, из пушки, пяу-пяу...

– Я слышал, – экспертным тоном прервал его Макс, оглядывая кассету, – уже вторая часть вышла.

– Да, – подхватил Венерка, – «Люди в белом»!

Мы включили фильм с гнусавым переводом, взяли по два огурца каждый, развалились на диване и на полу, и погрузились в пугающую сказку о гигантском инопланетном таракане. В тех сценах, где агенты ЛВЧ пускали в ход «палку-за-

бывалку», Венерка украдкой прикрывал глаза рукой, чтобы ненароком не стерли память. И я его понимал. Мне бы тоже не хотелось, чтобы эти моменты моего прошлого исчезли, ушли навсегда. Ведь чем дальше я от них становлюсь, тем сложнее их разглядеть. Однажды они превратятся в россыпь ярких, негаснущих звезд на черном бархате ночи.

Глава 3

– В общем, так. Нас четверо. Каждый берет по пять своих друзей, родственников и знакомых и спрашивает у них кас-
сеты. Понятно?

Венерка и Макс утвердительно кивнули. Они уже знали план, и говорил я все это исключительно для Юли. Ну, и еще, чтобы прочувствовать всю важность момента.

Я прошелся взглядом по этой троице, остановился на Юльке и еле сдержал улыбку. Она насупилась, подобралась и выглядела так, будто готова сорваться с места и махнуть марафон. А еще она, да и Веник с Максимом, были сейчас похожи на воробьев на проводе. Правда, сидели они не рельсе. Железная дорога делила поселок пополам, и мы часто зависали на этой насыпи – ждали поезд, чтобы положить под него монетку или камушек. У меня даже собралась целая коллекция (пять штук) помятых монет.

– Нашли фильм из списка – вычеркиваем!

Я опять остановился на Юле и немного растерялся. Вспомнил, как Венерка сказал, что она сама хотела со мной познакомиться. Раньше такого не случалось. Так почему же она не пытается поговорить и не ищет встречи? Может, решила, что я полный придурок? Точно, именно так она и подумала! Я же прямо сейчас веду себя, как придурок. А-а-а, черт!

– Если ты закончил, – добавил Макс через какое-то время, раз уж я опять впал в ступор, – может, пойдем уже?

– Да, вперед!

И мы повскакали с рельса, на котором сидели, и побежали в разные стороны.

Я начал со своих соседей. Обошел всех, даже ту странную семейку, которая переехала летом и всего шугалась. Нашел только три подходящие кассеты. Чтобы не перепутать, какую у кого взял, черкнул на бумажке фамилии и запихнул в коробку. Потом отправился по знакомым и одноклассникам, жившим неподалеку. С ними было труднее. Почти каждый хотел какую-нибудь кассету взамен, чтобы тоже посмотреть что-то новое. Пришлось пообещать, что принесу завтра.

Сколько бы я ни бегал, а найти то, что нам надо, не получалось. Я точно знал, что фильм «Майкл» с Траволтой есть у Дымовых, которые живут на Ученической. А «Крестного отца» в плохом качестве урезанную версию я как-то брал у Артёмки Елеина. Только первые сказали, что дали кому-то посмотреть «Майкла», но им так его и не вернули. А Тёма просто зажмотил. Увидел у меня список, начал расспрашивать, а когда я отказался говорить, сказал, что потерял кассету.

Вечером мы опять собрались на том же рельсе. Мы облюбовали место у старой свалки, где сплелись кузовами искореженные машины, тракторы и просто железяки, опознать которые было невозможно. Здесь нас никто не видел. А еще

я однажды помогал на этом участке железной дороги разгружать вагон с арбузами. Грузовик подъехал прямо к рельсам. Собралось человек десять, и каждому потом дали по треснутому арбузу. Так что теперь это место для меня особенное.

– Как успехи?

Ребята поникли и, кажется, совсем отчаялись. Вместе мы собрали чуть меньше половины. Что-то было и у нас в видеотеках, а где взять остальное, мы не знали.

– Может, купим все-таки? – Венерка обреченно смотрел на свой помятый список.

– Мы это уже обсуждали, – Максим вздохнул. – У нас нет столько денег.

– Давайте заработаем, – несмотря на неудачу, Юля горела энтузиазмом, только теперь в нем появилась примесь фанатизма.

– Ну да, это ж так просто! – не удержался я. – Всего-то и надо... А сколько нам надо, кто-нибудь считал?

– Много, – ответил Макс. Он повис грудью на своих коленях и длинные руки положил на прохладный щебень.

– Можно что-нибудь продать, – оживился Венерка.

– Твой дэндик?

– Нет, его не могу, мне его папа купил.

– В том-то и дело, что своего у нас не так уж и много.

– Пойдемте, – Юля встала, – поезд едет.

– Точно! – Макс, сам того не понимая, схватил несколько камней и швырнул их в лужу внизу насыпи. – Поезд! Я в

прошлом году каждый вечер к поезду бегал – орехи продавал. У тебя же за домом кедрач растет, – он повернулся ко мне, – давайте наберем шишек и продадим у поезда!

– А это идея, – внутри меня начал надуваться яркий оранжевый шарик.

– Можно еще бруснику и клюкву собрать, – поддержала Юля.

– Точняк! – подпрыгнул Венерка. – Завтра после школы идем в лес!

Послышался тепловозный гудок. В сумерках рельсы блистали желтым светом фонаря.

– Поезд!

Мы кинулись с насыпи, хохоча и толкаясь, а когда оказались внизу, чуть не угодив в огромную лужу. Максим схватил меня за локоть и сказал:

– По выходным ведь тот мужик приезжает, с кассетами! Сможешь ему наши фильмы заказать?

– А-то!

«Тот мужик», действительно приезжал каждую пятницу и иногда оставался на выходные. Раньше новые кассеты я получал только в отпуске и в строго ограниченном количестве. Приходилось вечно надоедать таким же киноманам, как мы с друзьями, чтобы найти что-нибудь новенькое. Иногда мы часами торчали у полки с видеокассетами, пытаясь выбрать.

В эти выходные мужик был на месте. Когда я пришел, он

только разгружал свою темно-фиолетовую ГАЗель – таскал плоские коробки на длинный дощатый прилавок. Рынок у нас был цивилизный. Сколочен из досок, с двускатной крышей, покрытой шифером. Покрасили его в желто-зеленый цвет, чтобы издали было заметно. По праздникам здесь выставляли угощения, продавали самодельные сувениры и одежду.

Я показал мужику список фильмов, тот нахмурился и сказал, что сейчас таких нет. Старье он не возит. Когда я спросил, сможет он привезти кассеты на заказ, мужик нахмурился еще больше, внимательно посмотрел на меня и сказал, что денег у меня не хватит. Пришлось его долго убеждать, что мы с друзьями будем продавать орехи и бруснику и к следующим выходным заработаем.

– Лады, – наконец, согласился мужик, – только сверху этой суммы мне ведро орехов принеси.

Я согласился.

– Орехи на следующей неделе притаскивай, а кассеты я постараюсь до конца месяца собрать.

И опять, пришлось согласиться. Как будто у меня был выбор.

Глава 4

Воскресенье началось не лучше и не хуже других дней. Обычное утро, но какое-то понурое и... стеклянное. Казалось, будто меня посадили под нереально чистый стеклянный купол, отрезающий от реальности. Особенно остро это ощущалось на улице. Может, из-за неподвижной бледно-серой пленки, размазанной по небу. А может, из-за застывшего и слишком прозрачного воздуха. Кроме этого, все было как прежде, пока мы с Максом не пришли в условленное время к Венерке, чтобы отправиться за кедровыми шишками и брусникой.

Он встал рано. Пошел в туалет, а потом задержался на крыльце, чтобы подышать свежим воздухом. Было почти полетному тепло.

Сережка Макеев – они с Венеркой жили крыльцо в крыльцо – побежал в дровяник, чтобы принести дров в баню и затопить ее. Мы все хорошо знали Сережку. В четыре года мы с ним даже дружили недолго. Он учился с Максом. Всегда был такой подвижный и любопытный.

Из дровяника Сережка возвращался как-то странно. Его лицо застыло в ужасе, а сам он без конца повторял:

– А-а... а-а... а-а... – будто ему было больно шагать.

Он проковылял домой, и через минуту выскочила мама Сережки. В цветастом халате, с растрепанными волосами,

она большими шагами побежала в дровяник. Венерка хотел уйти или хотя бы отвернуться, но не смог. Его будто прижало многотонной плитой.

Так и не родившийся крик Сережки Макеева вырвался из груди его матери. За ним последовали раздирающие душу рыдания, такие, что Венерка и сам заплакал. Потом тетя Света, спотыкаясь и падая, кое-как добралась до крыльца, легла на нижние две ступеньки и взвыла, что было сил. На ее крик сбежались соседи.

Венерка не помнил, как вошел в дом и как его обняла мама, спрашивая, что случилось. Он не мог ответить – просто не знал, но понимание, что произошло нечто необратимое, уже поселилось внутри него.

Когда мы с Максом пришли, Венерка уже успокоился. Он искоса посмотрел на нас по очереди. Сегодня он не улыбался. Не было даже намека на его привычную смешливость.

– Дядя Андрей повесился, – сказал он сухим голосом.

Меня словно оглушило. Как повесился? Когда? Зачем он это сделал?

– А что случилось? – спросил я тихо.

– Да, спьяну он, – бросил Венерка. – Сережка с утра в сарай пошел, а он там...

Я повернулся к Максиму, но тот быстро отвел взгляд, стянул очки и утер глаза рукавом. Затем он посмотрел на нас с таким выражением, с такой глубиной и полнотой, что нам стало не по себе. Разве может подросток *так* смотреть

на друзей? Тем более Макс. Он ведь буквоед, рационалист, скептик! Если он и участвовал в наших причудах в последние пару лет, то больше по привычке, а не потому, что ему это было нужно так же, как нам. Откуда же сейчас в его глазах столько огня, столько понимания и желания жить, разделить все это с нами?!

Макс ничего не сказал. Он как-то странно дернулся, будто хотел обнять нас, но передумал. Постепенно он стал прежним, потух, как отпечаток только что выключенной лампочки на сетчатке глаза в темноте.

Хоронили дядю Андрея всей улицей. Мы сидели у него на крыльце и слышали, как плачут женщины, тихо переговариваются и курят мужчины, бегают дети. Все это казалось нереальным, пришедшим из другого мира. Привычные разговоры не клеились. Мы затаились, притихли и старались не тревожить горе, опустившееся удушающе тяжелым одеялом на этих людей. Нам хотелось сидеть рядом, жаться друг к другу, чувствовать человеческое тепло в мире, где ребенок может найти обмякшее тело отца в пыльном и захламленном сарае. В мире, от которого нас ограждал тот кристально чистый купол. В тот день я впервые почувствовал, что эта прозрачная стена в любой момент даст трещину.

В обед дядю Андрея увезли, а мы поплелись его провожать. Шли в самом конце. Молча.

По дороге с кладбища Венерка спросил:

– А вы бы так смогли?

Голос у него был неровным, сдавленным.

– Как?

– Петлю на шею и... всё.

Я помотал головой – слова застряли в горле, а сил выдать их наружу просто не осталось.

– Может и смог бы, – глухо ответил Максим после недолгих раздумий. Мы уставились на него с непониманием. – Просто бывают разные ситуации.

Лицо его посерело, глаза забегали, будто он встретился с чем-то пугающе огромным, что неотрывно следовало за ним долгие годы.

– Какие еще ситуации?

– Онкология. Когда моя тетка заболела, мама через день к ней ходила, и меня с собой брала, – он надолго замолчал. – Не знаю, как это у нее получалось.

– Что? – спросил я, а Венерка добавил:

– У кого?

– У тети Вали. Ей врачи сказали, что полгода не проживет. А она прожила, да еще и веселая такая была, когда мы приходили. Потом у нее ноги отнялись, дышать стало тяжело и... это... в общем.

– Думаешь, ей было бы лучше с собой покончить? – осторожно спросил я.

– Нет, нет, конечно, – испугался Максим. – Просто, как представляю, что со мной такое случилось. Смогу я так же,

как тетя Валя, улыбаться, болтать с родней о всякой ерунде, зная, что мое тело умирает?

Макс остановился и очень серьезно на нас посмотрел. Ему было важно, чтобы мы поняли, что он пытается сказать.

– Это же страшно, – жалобно произнес он. – Я даже не представляю, как это страшно, знать, что вот-вот умрешь, и все равно жить! Сколько надо силы воли, сколько смелости, чтобы просыпаться по утрам, завтракать, говорить, думать. Когда я думаю об этом, мне кажется, что я так не смогу, что я сломаюсь, что меня раздавит эта болезнь еще при жизни, превратит в мокрую лужу, в извивающегося червяка, которому хочется еще немного пожить, который умоляет Бога, судьбу и врачей дать ему второй шанс. И когда все это крутится у меня в голове... короче, лучше уж сразу туда, – он указал на небо, а потом мотнул головой, и ткнул пальцем в землю, – чем осознать перед смертью, какой ты на самом деле слизняк, из какого жиденького теста ты сделан.

– Но ты ведь не болеешь? – испуганно спросил Венерка.

– Нет, – Макс тяжело вздохнул. Мне почудилось, будто он разочарован, что не смог донести до нас всю глубину смысла того ужаса, что поселился в его душе после смерти тети Вали. Он нерешительно посмотрел на меня, ожидая понимания, но я поспешно отвел взгляд. Я не хотел ранить друга, ведь на самом деле мне стало не по себе. В этот момент я впервые ощутил, какая невообразимая пропасть пролегла между нами.

Мне стало страшно.

Вечером было много пьяных. Мужчины, женщины, молодые парни. Все они тоже безумно боялись, и единственным способом подавить страх стала дешевая водка. Она же надела петлю на шею дяде Андрею.

Позднее я спросил папу, почему отец Сережки Макеева повесился. Он долго молчал, и в тот момент я почти понял, почти догадался... По выражению лица папы, по его внезапно опустевшим глазам. Мне практически открылась истина, недоступная другим шестнадцатилетним... Но мгновение это исчезло, испарилось, вместе с тем самым взглядом, и то недостижимое, от чего нас ограждали взрослые, ускользнуло от меня.

– Тяжело ему было. Сейчас всем непросто, – ответил тогда папа, и я больше ничего не стал спрашивать.

После поминок мы проводили Макса до дома. Нам не хотелось возвращаться на свою улицу, где до сих пор витал дух необратимости. Мы боялись признать, что в этой жизни бывает что-то «навсегда».

Венерка почти все время молчал или говорил невпопад. Но чем дольше мы болтали у подъезда двухэтажки Макса, тем легче ему становилось. Он даже начал улыбаться и шутить. Из соседней благоустройки вышла Юля. Услышав нас, подошла поздороваться. Ей уже рассказали про Макеевых,

и она как-то сразу поняла, что не стоит говорить об этом. Поход за шишками и брусникой мы отложили до следующих выходных.

В лесу было сыро. Облака висели низко, зацепившись за макушки самых высоких елей. Мы решили действовать сообща. Выбрали три кедра, где темнело больше всего шишек, я забрался на них и стал сбивать. Юля и Веник собирали урожай в ведро, а Макс разводил костер. Набрав достаточно, мы принесли с ручья воды, закинули в нее шишки и траву, и поставили на огонь. Поварив с полчаса, вытащили шишки, с которых сошла почти вся смола, и повторили процедуру. И так несколько раз.

Продавать орехи было выгоднее, ведь они стоили дороже. Но у нас не было станка для шелушения шишек. Кроме того, мы посчитали, сколько их надо собрать, и поняли, что голый орех нам не так уж и нужен.

Закончив с кедром, взялись за бруснику и клюкву. У папы в гараже висели два самодельных комбайна из нержавеющей стали. Их я отдал Юле и Венерке. Мы с Максом собирали ягоды вручную. Орудовать комбайнами было быстрее, но потом приходилось чистить бруснику от листьев и веточек.

Набрав достаточно, мы понесли все это богатство к поезду. Состав, шедший из Свердловска в Приобье нас не интересовал. В сентябре на нем возвращались из отпуска, а значит, без денег. А вот обратный поезд был нашей золотой жи-

лой. Ехавшие с севера на Большую Землю люди скупили все наше добро, чтобы угостить родственников, друзей или коллег в той части страны, где такие крупные ягоды и шишки редкость.

Мы не могли поверить, что всего за один день скопили треть нужной суммы. На завтра мы повторили процедуру, а когда мужик с кассетами привез заказ, у нас имелась вся наличность.

Глава 5

Грудь у Светки Евлоевой выросла раньше, чем у остальных девчонок из нашего класса. И пацаны это заметили. Они начали зажимать ее в дальнем углу класса толпой, запикивать руки под лифчик и щупать там до синяков. Не щупали трое: Саня Андреев, Витька Заварзин и я. Не знаю, почему к ней не лезли Сашка с Витьком, а мне это казалось как-то не по-мужски, не по-рыцарски. Однажды я даже заступился за Светку, когда ее довели до слез своими приставаниями.

На следующий день после уроков она взяла меня за локоть и молча отвела под лестницу, ведущую на второй этаж. Там обычно собирались ребята из старших классов, чтобы покурить, позажимать девчонок или рассказать матерный анекдот. Светка, краснея и смущенно улыбаясь, сказала спасибо, что я заступился и что она хочет меня отблагодарить. Потом она выглянула из-под лестницы, вернулась, взяла мою руку и засунула к себе под кофту.

Я остолебенел, залился краской и чуть не задохнулся от накатившей волны возбуждения. Светка смотрела на меня как-то странно, пока я держал ее мягкую, теплую грудь в стремительно потеющей ладошке. Потом прижалась ко мне, встала на носочки (она на полголовы ниже меня) и в этот момент слышались тяжелые шаги по лестнице – спускалась завуч. Светка выдернула мою руку и убежала.

С тех пор я за нее не заступался.

Мне стало казаться, что ей нравится, когда ребята зажимают ее в углу.

Но речь не об этом. С того дня каморка под лестницей вызывала у меня нездоровые ассоциации. Когда я проходил мимо, каждый раз вспоминал Светкину грудь, упирающийся в ладонь твердый сосок, ее бешено бьющееся сердце и сбивчивое дыхание.

Однако, негласные школьные правила непреложны. Мы с Максом перешли в девятый класс, а значит, должны время от времени тусоваться под лестницей. Первое время мне было не по себе, а потом привык. Иногда Венерка приводил Юлю, и в такие моменты разговор не клеился. По крайней мере, у меня. Мне хотелось обсудить с друзьями Карину и то, как лучше ее завоевать (да, я все-еще думал, что девушек надо завоевывать, как неприступные крепости средневековья).

– Чтобы понять, подходит тебе человек или нет, надо посмотреть с ним кино, – важно поучал меня Веник в один из таких дней. – И не какую-нибудь муть, а настоящий фильм, типа «Счастливчика Гилмора» или «Криминального чтива». И смотреть надо не в кинотеатре, а дома, по видеку. Если досидишь до конца и не захочешь после этого забить ее на смерть пультом от телевизора – это твой человек! – он самодовольно откинулся на пыльную спинку шатающегося деревянного стула и сложил руки на груди. Макс сидел на радиаторе, а я – на полу. – Поверьте мне, это закон. И кстати, он

работает не только с девушками. Поэтому я с вами и дружу, парни. Помните, как мы первый раз вместе смотрели «Назад в будущее»? Все три части...

– Погоди, – Максим поднял руку, заставив его замолчать.
– Хочешь сказать, ты смотрел «Криминальное чтиво»?

– Смотрел!

– Не гони! – Макс моментально вскипел. Он терпеть не мог, когда Венерка на ходу выдумывал, особенно, если это касалось кинематографа.

– Сам не гони! – Веник покраснел и подпрыгнул, вцепившись руками в коленки. – У меня дома кассета есть, ты сам видел!

– Это кассета твоего отца, а мама твоя на километр к ней не подпустит.

– Я смотрел, когда они на юбилей к тётё Нине ходили! – Венерка почти кричал и был похож на переспелый помидор.

– Ты тоже ходил, сам же рассказывал, как Ромка допил всё, что на столе в рюмках оставалось, а потом его вырвало на платье тёти Нины и его за уши оттащали!

Венерик смутился, а его «помидор», посаженный на короткую шею, покрылся бледными пятнами.

– Ну, может и не в тот раз, но я точно смотрел.

– А как же твое обещание, что мы его вместе посмотрим, когда родителей не будет?

Теперь голова Веника походила на бледную редьку с торчащей во все стороны ботвой. А я в тот момент просто си-

дел и смотрел перед собой, практически не видя и не слыша друзей. Мое воображение рисовало прекрасную картину, как мы с Кариной смотрим «Замороженного калифорнийца», беремся за руки и понимаем, что созданы друг для друга.

– Стоит попробовать, – на автомате произнес я.

– Что ты сказал? – Максим уставился на меня, будто в первый раз видит.

– Венерка в кои-то веки прав. Это может сработать.

– Сомневаюсь, что Карина пойдет в гости к малявке, которого видит впервые в жизни, – разволновался Макс. – Чувак, она в десятом классе! Какой фильм ты ей хочешь показать? «Горячие головы»?

– О-о, это улёт! – хохотнул Венерик.

– Послушай, если хочешь с ней замутить, позови на диск-кач.

– Диск-кач? – это слово почему-то пугало меня.

– Да, и не на какую-нибудь детскую дискотеку до восьми вечера, а на взрослую!

– На взрослую? – я растерялся. План Венерки мне нравился больше.

Кто-то загоготал. Мы подскочили, выглянули из каморки и увидели Пашку Самойлова с друзьями: Коляном и Толиком. Эти двое обрили наголо, обнажив шишковатые черепа, а у Пашки на голове еще оставалась растительность.

– Ну вы лохи, – сутулый Толик присел на корточки и по-

смотрел так, будто мы не лучше червей. – А этого жиробаса, чо, Венерка зовут? Ха-а! – он оскалился и сощурил крохотные глазки. – Ты сын винегрета что ли?

– А тебя как зовут? – огрызнулся разгоряченный недавним спором Веник. – Засранец?

Зря он это сказал. Туповатая ухмылка не сразу сползла с лица Толика, но, когда сползла, он рванул за улепётывающим Венеркой. Мы с Максом застыли, не зная, что делать.

– Валите, – мотнул головой Пашка, и мы выбежали из-под лестницы. – ТОЛЯН! – заорал он во все горло. – Иди сюда... придурок!

В этот день каморка под лестницей перестала у меня ассоциироваться со Светкой Евлоевой. Мы с друзьями пару месяцев обходили ее стороной.

До конца уроков Венерки не было видно. После школы я зашел к нему в гости, но он еще не возвращался. Вечером я пошел снова. Проходя мимо поворота в лес, я остановился – как раз выехала тонированная «нива». На заднем сидении, зажатый между Толиком и Коляном, сидел несчастный Венерка. Впереди курили и пили пиво из полторашки двое взрослых парней.

Веник вылез, увидел меня и отвернулся. «Нива» уехала, гремя подвеской и аудиосистемой, из которой кричал «Сектор газа». Я побежал к другу, развернул его и застыл. Мне одновременно хотелось догнать поганцев и избить их до полусмерти, и сказать что-то Венерке, чтобы ему стало лучше.

Но подходящих слов не было. Пусто. Только кровь пульсирует в голове.

– Что они сделали?

Губа у Веника была разбита, щека и ухо опухли. Он не ответил. Просто толкнул меня плечом, проходя мимо, и нетвердой походкой двинулся в сторону дома.

Я еще немного постоял, глядя вслед Венерику, и тоже поплелся домой.

– Никита, – я поднял голову и увидел Юлю. – Привет! А что с Веником?

Я обернулся и пожал плечами.

– Долго рассказывать.

Юля укоризненно на меня посмотрела. Не любил я, когда она вот так паялилась, а потому выдал максимально короткую версию произошедшего:

– Знаешь Толика Фомкина?

Юля кивнула, нахмурившись.

– Венерка с ним немного повздорил.

– И что?

– И вот, – раздраженно выпалил я.

Юля помолчала, потом протянула мне рюкзак Веника.

– Держи. Он оставил сегодня в классе.

– Спасибо.

– Я волновалась за него. Да и в школе спрашивали...

Я покивал, как болванчик, понурой головой.

– Ну-у... – протянула Юля, – я пошла.

Голова болванчика на длинной шее снова пришла в движение.

– Пока.

Я махнул на прощание и... мы зашагали в одну сторону. До моего дома было совсем ничего, а вот Юле еще идти в центр.

– Тебя проводить? – я вдруг вспомнил про Толика и его компашку на «ниве».

Юля пожала плечами и загадочно улыбнулась уголками губ. Потом увидела, что я растеряннo на нее уставился, и кивнула.

Минут десять шли молча. Наконец, ей надоело смотреть, как я ковыляю рядом, размышляя то о Венерке, то о Карине, то о том, как глупо мы с Юлей, наверное, сейчас выглядим, и она ускорила шаг. Теперь молчание разбавлялось ее сопением.

– А у тебя есть «Горячие головы»? – это было первое, что пришло мне на ум.

Юля, бежавшая немного впереди, ошарашенно обернулась с вопросительным взглядом.

– Кассета. Фильм. Комедия, – выпалил я.

Да когда она перестанет так на меня смотреть?! Казалось, у нее в арсенале сотни, если не тысячи до предела выразительных взглядов для любой жизненной ситуации. И они крайне редко повторяются, каждый раз заставляя тебя врасплох.

– А-а, есть, кажется. Только не моя. Брат у кого-то взял посмотреть.

Она сбавила шаг.

– Хочешь, дам тебе ненадолго?

– Угу.

Остаток пути мы болтали о фильмах, актерах и любимых сценах. Простившись с Юлей, я отправился домой, снова и снова прокручивая в голове наш разговор.

Глава 6

Стоял октябрь. Уже неделю с неба сыпалась, как из решета, вода. Она пропитала все вокруг, превратила приземистые дома с торчащими в небо антеннами, бетонку, уложенную в желтоватый песок, огороды и столбы с проводами, и даже сами провода в губку. Стоит только нажать на нее – побегит вода, которую эта «губка» впитывала долгими, унылыми днями и ночами.

Венерка после того случая не показывался в школе несколько дней. Его матушка, когда мы приходили в гости, выглядела озабоченнее, чем обычно, а отец, казалось, не заметил перемен в сыне. Правда, позднее Веник признался, что тот поздравил его «с почином» и посоветовал в такой ситуации дать сдачи. Какое-то время он даже пытался обучать Венерика – устраивал спарринги, но ничем хорошим это не закончилось.

Юля стала постоянным участником наших походов в спорткомплекс, смотрела с нами фильмы и даже научила делать лягушек из листка бумаги. Это был полезный навык, если ты хотел впечатлить одноклассников. У нас в классе только Женька Морозов умел делать лягушек.

Кроме того, Юлька стала причиной события, изменившего нашу жизнь на следующие три месяца. В тот день она прибежала в спорткомплекс с опозданием, и все три автомата

мы уже заняли. Я хотел уступить ей свой на время, но Юля отмахнулась и подозвала нас к себе. Антон, как это случилось вдни, когда у него не было настроения, сидел в свой камерке и курил. Он не мог нас слышать, но Юлька все же перестраховалась. Когда мы отошли к окну у входа, она начала вполголоса рассказывать о конце света.

– Я вчера по телеку видела. Мы с мамой ждали сериал, а папа смотрел новости. Обычно он смотрит молча до прогноза погоды, и выключает. А тут начал что-то бормотать. Короче, я глянула, а там про новый год говорят. Типа, когда девяносто девятый станет двухтысячным, компьютеры сойдут с ума и наступит конец света.

Мы округлили глаза, переглянулись и снова уставились на Юлю. Она сделала паузу, чтобы мы прочувствовали серьезность происходящего, но этого не случилось, и она продолжила.

– Да вы чего, ребят?! Не понимаете, что ли? Конец света! – она выпучилась на нас. – Никаких больше уроков, никакого телевизора, никаких «Морских боев» и «Коньков-горбунков»! Всё!

Наконец, нас проняло. Новости не на шутку испугали Юлю, и ее тревога передалась нам. Только вот показывать страх мы не спешили.

– Ну, не знаю, – я пожал плечами, пытаюсь сохранить хладнокровие.

– А вообще-то, – принялся рассуждать Макс, – это серьез-

но. Нам же всю еду на поездах привозят. Муку, там, или консервы.

– Фрукты, – подсказал Венерка.

– Да, и фрукты.

– Мороженки, – не унимался Веник, но в этот раз Максим его проигнорировал.

– А если компьютеры с ума сойдут, то и еды не будет. Свет отключат. Родители работать не смогут.

– Школу закроют, – добавил я.

– Вот-вот.

– И конкурс проектов к новому тысячелетию отменят.

Тут я понял, что о конкурсе больше никто и не думал. Казалось, друзья охладели к нашему проекту, а Максим так и вовсе начал куда-то пропадать после уроков. Ненадолго, но все же это было подозрительно.

– Надо что-то делать, – заговорила удовлетворенная достигнутым эффектом Юля.

– Надо собрать припасы, – оживился Венерка. – Незаметно таскать из подпола закрутки, картошку...

– Надо рассказать взрослым, – перебил его Макс. – Поднять вопрос в школе, к директору пойти, чтобы линейку объявил.

– Угу, – хмыкнул я, – чтобы перед всей школой опозориться.

– Взрослые и так знают, – Юля тяжело вздохнула. – И им все равно. Ну, моим.

Мы надолго замолчали, взволнованные и опустошенные. Мы просто не знали, что делать, а делать что-то надо было.

– Не верю, – пробормотал я, – что всё вот так закончится.

Друзья посмотрели на меня каждый по-своему, будто мои слова нашли отклик в их сердцах, несмотря на то, что думали мы разных вещах.

Мне почему-то вспомнилась столовая у отца на работе. Он был бригадиром на пилораме, а мама работала там же поваром. Когда мне было лет пять или шесть, папа взял меня с собой. В тот день в столовой готовили пюре с котлетками и компот из сухофруктов. Мама и дома часто делала пюре, но почему-то именно столовская еда показалась мне особенно вкусной. Так бывает, когда берешь с собой старый пряник в поход или жаришь на костре в лесу кусок хлеба – вкус у них не тот, что дома. И вспомнив это, я подумал, что никогда больше не будет ни той чудесной пюрешки, ни столовой.

А потом перед внутренним взором всплыла Карина. В школе я часто ее видел и даже подумывал подойти и позвать погулять, но ее всегда окружали подружки. Ребята постарше отпускали в ее сторону шуточки, но по их взглядам и нездоровой активности было件нятно, что они просто пытаются сделать ее уязвимой, чтобы было проще подкатить. Несколько раз я замечал такие же взгляды у Максима, но не придавал этому значения. Небольшой укол ревности и больше ничего.

После школы я приходил домой, включал кассету с балладами «Скорпионс» и воображал наше с Кариной будущее.

Иногда заходил слишком далеко и жалел, что папа так и не поставил в моей комнате дверь с замком – от кухни ее отделяла старая, пожелтевшая занавеска.

Я даже начал нарочно ходить теми маршрутами в школе, где чаще всего появлялась Карина. Иногда она замечала меня и улыбалась одними уголками губ. В такие моменты кровь кувалдой била мне в голову, я отворачивался и ускорял шаг, боясь запутаться в ногах-веревках.

С одной стороны, конец света избавит от необходимости что-либо делать. Настанет анархия и мир погибнет, а значит, не придется приглашать Карину погулять и никакого будущего у нас с ней не будет. С другой стороны, если ничего не будет, зачем тогда бояться?

Как только эта мысль упала в сознание с одной из захлапанных полок моего разума, которой я крайне редко пользовался, меня осенило. Я решил, что во что бы то ни стало приглашу Карину на дискотечу.

И в эту секунду мои размышления прервал отвратительный гогот человеческого существа, вошедшего в спорткомплекс. За ним шли еще двое. И гоготающий пересказывал им монолог какого-то Шуры Каретного (так он его называл).

– Эй, шибздик, – обратился он к Венерке, когда все трое вошли и огляделись, – Балыч где?

Веник не ответил. Он опустил взгляд в пол и отошел к нам за спины. После того случая, когда его вывезли в лес, он вообще стал неконфликтным. Только появлялся шанс по-

спорить, который раньше он не упускал, Венерик умолкал на полуслове и, будто из него медленно выпускали горячий воздух, оседал и становился покорным. Нам он так и не рассказал, что было там, в лесу.

– Можно повежливее? – осведомилась Юля, заметив, как отошел Венерка.

– Слышь, – возмутился гоготавший, – ты его еще поучи! Бала где?

– Вы чо тут расшумелись? – вошел Антон, и про нас мгновенно забыли.

Все трое разом заговорили, приветствуя его, обнимая и хлопая по спине. И таким шумным, прочно сплетенным комком они удалились в каморку.

Мы еще немного поиграли без особого энтузиазма, а когда из соседней комнаты слышались полупьяные крики, засобирались домой.

– Пойду скажу, что мы ушли, чтобы закрылся, – неуверенно произнес я и немного подождал, вдруг кто захочет меня заменить. Макс наклонился выключить автоматы, Венерик смотрел в сторону, а Юля принялась копаться в рюкзаке.

Пришлось идти мне.

Друзья Антона разгорячились не на шутку. Они орали так, что было слышно в общем зале.

– ...да они вообще охренели, эти толстосумы в правительстве! Столько крови пролили, и все мало!

– О нашем правительстве, как о покойнике – либо хоро-

шо, либо никак.

– У меня братан туда поехал, призвали.

– Антоха, а ты чо?

– Бала не дурак, второй раз туда не сунется.

– Давайте, кончайте с этой темой.

В каморке сторожа воняло дешевым табаком, самогоном и чем-то кислым. Я приоткрыл дверь, заглянул, но меня никто не заметил.

– Антон, мы всё... – сказал я настолько громко, насколько позволяло задеревеневшее горло.

– Э-э, ты чо, салага, совсем страх потерял?! – возмутилась высокая детина с низким лбом, стрижкой «под ноль» и слюнявым, большегубым ртом. Это он гоготал, входя в спорт-комплекс. – Какой он тебе Антон? Да ты знаешь, кто это и где он побывал?

Я оторопело смотрел в водянистые, тупые, без проблеска разума, глаза, и не знал, что мне делать. Этот бычий взгляд придавил меня, не хуже мешка с цементом. Детина поднялась с продавленной койки Антона и шагнула ко мне.

– Чо, ушлёпок, молчишь? Тебе не говорили, что старших уважать надо?

– Сядь, – стальным голосом скомандовал Антон. Говорил он тихо, но слюнявый мгновенно повиновался. – Это свои пацаны. Тронешь – урою.

Какое-то время Антон смотрел на слюнявого, сдерживая желание дать ему по роже, а потом повернулся ко мне. Глаза

его налились кровью и стали почти такими же водянистыми и опустошенными, как у его друзей.

– Давайте, ребят, до завтра. Я там закрою всё.

После этих слов я захлопнул дверь, развернулся, чтобы бежать, и столкнулся с Венеркой, Максом и Юлей. Оказывается, все это время они стояли у меня за спиной.

Глава 7

Мы проводили Юлю, потом уше

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.